

Она уверяла меня, что это единственные стихи, которые Поэт посвятил ей.

Г-жа де Рамбуиэ рассказывала мне также, что однажды Малерб, не застав ее дома, вздумал побеседовать в ее покоях с какой-то девицей и что в это время на улице случайно выстрелили из мушкета, причем пуля пролетела между ним и этой молодой особю. На следующий день Малерб посетил г-жу де Рамбуиэ, и она учтиво выразила ему сочувствие по поводу случившегося. «Я бы хотел, — сказал он, — быть убитым этой пулей. Я стар и достаточно пожел; да и к тому же, пожалуй, мне оказали бы тогда честь, заподозрив, будто в меня стреляли по приказу г-на де Рамбуиэ».

Г-н де Ракап все же утверждает, что именно для нее Малерб написал песенку:

Ей, чаровнице, как святыне, и т. д.,

а также другую, которую Буайе положил на музыку:

Увы, не мне спяют ныне
Те очи, свет моей души, и т. д.

Ракап, который был на тридцать четыре года моложе Малерба, смел свою возвышенную любовь на любовь левдумальную и стал мечтать о законных узах. Это дало повод Малербу написать ему письмо, где приводились стихи, те самые, в которых говорится о г-же де Рамбуиэ: он хотел отвлечь Ракапа от его страсти, ибо узнал, что г-жа де Терм принимает ухаживание президента Виъве, за коего она вскоре и вышла замуж. Когда же Малербу стало известно, что Ракап решил жениться в родном ему Мэне, он тотчас же уведомил об этом г-жу де Терм письмом, которое теперь опубликовано.

Примерно в ту же пору погиб сын Малерба: его убили в Эксе, где он был советником.³¹ Малерб не хотел, чтобы сын занимал эту должность, ибо полагал, что она его недостойна. Он дал согласие лишь после того, как ему привели в пример г-на де Фуа, назначенного архиепископом Тулузским, который до того состоял советником Парижского парламента, — а ведь г-н де Фуа находился в родстве со всеми правящими домами Европы. Вот как бедный малый был убит. Двое жителей Экса, поссорившись, уехали за город; им вослед поспешили их друзья. Поссорившиеся встретились в каком-то трактире; каждый вступился за своего приятеля. Сын Малерба держал себя нагло, его противники этого не стерпели, набросились на него и убили. Человека, коего в том обвинили, звали Пиль. Но он не один напал на Малерба, другие тоже участвовали в расправе. Тот же, за кого Пиль ввязался в драку, происходил, как полагали, из еврея, именно это и хочет сказать Малерб в сонете, написанном на смерть сына.* Сонет этот не напечатан.

* Пиль из рода Форсиа, а Форсиа происходят будто бы из евреев.